

МАРДЖОРИ НИКОЛСОН
МИР ДУХОВ МИЛЬТОНА И МОРА

*Об авторе**

В начале XX столетия Марджори Хоуп Николсон (1894–1981) называли пионером новых научных подходов к изучению литературы и истории науки. Ее научными достижениями стали удостоенные премий труды «Newton Demands the Muse: Newton's Opticks and the 18th Century Poets» (1946), «The Breaking of the Circle» (1950), «Science and Imagination» (1956), «Mountain Gloom and Mountain Glory» (1959), «Pepys' Diary and the New Science» (1965). В начале своей карьеры она была увлечена философией, но затем выбрала литературу как область, профессионально более открытую для женщин. Получив докторскую степень в Йельском университете, она работала за границей и в Университете Джонса Хопкинса, Гаучер-колледже (Балтимор, США), а также преподавала в Колледже Смита университете Миннесоты, где она также была деканом факультета. Когда она пришла в Колумбийский университет Нью-Йорка в 1941 году, она стала первой женщиной-профессором престижного в Америке сообщества университетов Лиги Плюща. К тому времени как Николсон поселилась в академическом квартале Морнингсайд-Хайтс в Нью-Йорке, она уже была первой женщиной-президентом почетного студенческого общества «Phi Beta Kappa» (аббревиатура

* Перевод с англ. языка А. В. Цыба, поэтический перевод стихов Дж. Мильтона — Н. В. Носова, уточнение греческих и латинских цитат, лит. редакция текста — О. Ю. Бахваловой.

Перевод выполнен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-03-00813 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00845

с греческого «Φιλοσοφία Βίου Κυβερνήτης», «Любовь к мудрости — руководство жизни»), первой женщиной-президентом Смит-колледжа и заведующей кафедрой английской литературы и сравнительного литературоведения в Колумбийском университете (1954–1962), а также президентом Ассоциация современного языка Америки (MLA, 1963), главной профессиональной ассоциации исследователей языка и литературы в Соединенных Штатах**.

За свою карьеру М. Николсон стала автором многочисленных научных трудов, существенную часть которых составили статьи и исследования в области истории английской литературы и философии, и, в частности, наследия Кембриджского платонизма: «Early Stage of Cartesianism in England» (Studies in Philology, Vol. 26, No. 3 (Jul., 1929), pp. 356–374); «George Keith and the Cambridge Platonists» (The Philosophical Review, Vol. 39, No. 1 (Jan., 1930), pp. 36–55); «More's Psychozoia» (Modern Language Notes, Vol. 37, No. 3, 1922, pp. 141–148); «The Conway letters. The Correspondence of Anne, Viscountess Conway, Henry More and their Friends, 1642–1684» (Clarendon Press, 1992) в соавторстве с С. Хаттон.

Публикуемый перевод сделан по изданию: Nicolson M. H. The Spirit World of Milton and More // Studies in Philology, Vol. 22, No. 4 (Oct., 1925), pp. 433–452.

«Я отважился, — писал Босуэлл¹ о своей беседе с Джонсоном² в 1772 году, — подвести разговор к теме нашего будущего состояния после смерти, испытывая большой интерес к его представлениям по этому поводу».

Босуэлл: «Но, сэр, нет ли вреда в том, что мы строим догадки относительно нашего будущего состояния? Ведь в Писании сказано очень мало на эту тему?». Джонсон: «Вреда нет. То, что говорит философия по этому поводу, —

** Источники: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Nicolson%2C+Marjorie+Hope>
<https://www.encyclopedia.com/people/social-sciences-and-law/education-biographies/marjorie-hope-nicolson> (дата обращения: 26.10.2022). — Прим. перев.

¹ Джеймс Босуэлл (James Boswell, 1740–1795) — шотландский писатель и мемуарист, слава которого основана на двухтомной «Жизни Сэмюэла Джонсона» (1791) — книге, которую часто называют величайшей биографией на английском языке. — Прим. перев.

² Сэмюэл Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) — английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения, чье имя, по оценке «Британники», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века. — Прим. перев.

вероятно, то, что говорит Писание — истинно. А доктор Генри Мор продвинулся так далеко, как это только было возможно для философа. Вы можете приобрести как его теологические, так и философские труды в двух томах, за восемь шиллингов»³.

В годы, последовавшие за Реставрацией, теологические и философские произведения Генри Мора, — в частности, «Великая тайна благочестия» (1660) — согласно заявлению издателя Чисвелла, преобладали во всех книжных лавках Лондона. С публикацией в 1642 году первой из его «Философских поэм», за которой в 1647 году последовало второе издание, Мор становится одной из значимых фигур в литературе семнадцатого века; следствием этого необычного сочинения было, по сути, создание второй школы «метафизических» писателей, — главным образом, Плотинианских энтузиастов. Однако лишь с выходом «Антидота»⁴ Мор приобрел прочную репутацию философа в восприятии английских читателей. Став первым значимым опровержением Гоббса, он [«Антидот»] намного опередил во времени трактат Кедворта «О Вечной и Неизменной Нравственности» (1731), обычно признаваемый наиболее важным философским трудом Кембриджских платоников, — хотя, на самом деле, он [этот трактат Кедворта] мало что добавляет к «Enchiridion Ethicum» (1667) Мора. Рассказывают одну историю, истинность которой подтвердить невозможно, о том, что Гоббс имел обыкновение говорить, что если бы он когда-нибудь отказался от своей собственной философии, он согласился бы с философией доктора Мора из Кембриджа⁵. Несомненно, что примерно с 1650 года и до своей смерти в 1687 году Мор считался одним из самых влиятельных английских мыслителей: человек необычайно привлекательной личности и широты взглядов, ученый-эрудит, каббалист, платоник, убежденный «спиритуалист», член Королевского общества, главный интерпретатор картезианства в Англии и прежде всего, один из величайших учителей своего времени. Круг его учеников был широким. Каждую из его книг с энтузиазмом приветствовали и читали те, кто опасался гоббсовского материализма.

³ Boswell's Life of Johnson, edited G. Birkbeck Hill, New York, Harper and Brothers, II. P. 186. — здесь и далее, кроме прим. М. Николсон и кроме оговоренных прим. переводчика.

⁴ Трактат Г. Мора «Противоядие против атеизма», 1653г. — *Прим. перев.*

⁵ Tulloch J. Rational Theology and Christian Philosophy in England, II, Edinburgh and London: William Blackwood and Sons, 1872. P. 366.

Будучи от рождения и по воспитанию кальвинистом, Мор еще в свои школьные годы восстал против этого учения. Он поступил в Кембридж за год до отъезда Мильтона. Традиция гласит, что они были знакомы. Памятная надпись в одной из книг Мора в Грэнтемской приходской библиотеке — одной из немногих «цепных» библиотек⁶, оставшихся в Англии — упоминает это знакомство. В сознании их последователей и студентов сложилась некая естественная связь между ними двумя, ибо как Мильтон был «Пресвятой Девой⁷ Колледжа Христа» так Мор был «ангелом Колледжа Христа». Практически вся долгая и безмятежная жизнь Мора прошла в Кембридже в качестве студента, тьютора, преподавателя. При том что он был латитудинарем⁸, он был одним из немногих кембриджских профессоров, которых не коснулись напасти, связанные с Гражданской войной и Реставрацией. В то время как Мильтон писал «Письма» на латыни⁹ и обсуждал вопросы церковного и государственного управления, Мор в Кембридже спокойно излагал свои соображения о призраках, ведьмах и бессмертии души.

В 1659 году появился теоретический трактат Мора «Бессмертие Души», один из самых специальных его философских трудов. Несомненно, именно эту книгу имел в виду доктор Джонсон, когда говорил с Босуэллом об идеях Мора о «будущем состоянии», ибо, хотя эта тема была одной из любимых для Мора, и он обсуждает ее почти во всех своих работах, [именно] в третьей книге этого трактата он собрал все, что когда-либо говорил или думал по этому вопросу; здесь он дал волю как своей учености, так и своему воображению; результат — одна из самых замечательных картин чувственного потустороннего мира на английском языке¹⁰. При чтении отдельных глав не может не возникнуть ассоциаций с Небесами и Адом «Потерянного Рая» и представ-

⁶ Публичные библиотеки в Англии (и средневековой Европе) с книгами, прикованными к полкам для предотвращения хищений — *Прим. перев.*

⁷ Здесь не очень ясен контекст выражения «lady of Christ's», но речь идет о университетских прозвищах. — *Прим. перев.*

⁸ См: Цыб А. В. Генри Мор и Latitude-Men в истории королевства Бенсалем // Клио: Ежемесячный журнал для ученых 2021, № 11 (179). С. 46–51. — *Прим. перев.*

⁹ «Переписка с близкими людьми», «Epistulae familiares», которая опубликована в 1674 г. — *Прим. перев.*

¹⁰ More H. The Immortality of the Soul. London: Printed by J. Flesher 1659. — *Прим. перев.*

лениями Мильтона о сущностях, которые населяют их. Особенно, если мы сравним эти два труда в деталях, то разглядим это замечательное соответствие даже в мельчайших подробностях. Параллель настолько близка, что кажется невозможным, чтобы Мильтон не знал этого сочинения, опубликованного как раз тогда, когда содержащиеся в нем идеи более всего занимают его самого. То, что Мильтон не только знал философский труд Мора в целом, но и что он был в своих этических и многих каббалистических идеях последователем Мора, я надеюсь показать в другой раз. Пока же я ограничусь обсуждением явного сходства между концептами духов и представлениями о мире духов Мора и Мильтона.

Третья книга «Бессмертия Души» начинается с серии «моральных аксиом», излюбленного приема Мора, который, как и большинство английских платоников, придерживался того, что моральные истины столь же ясны, определены и неизменны, как и математические. Две наиболее важные аксиомы утверждают, что «душа не освобождается совершенно от жизненно-го союза с материей» (БД, Аксиома XXVII)¹¹ и что «душа... соответствующим образом способна на чувство и, следовательно, на ощущение наслаждения и боли» (БД, Аксиома XXX). Тут же мы сталкиваемся лицом к лицу с фундаментальной идеей Мора: «душа есть субстанция, протяженная и неразрывная» (БД III, 18, 7). Как и Мильтон, он несомненно поддерживает телесность духов: это не тени, образы, отражения; дух у него ограничен формой и «обязательно заключен в какую-либо фигуру» (БД III, 2, 2).

Следует пояснить, что Мор, употребляя в этом трактате слово «душа», в первую очередь рассматривает — в отличие от Мильтона — человеческую душу после смерти тела. Как платоник, Мор полагал, что «в душе имеет место тройная витальная конгруэнция, а именно: эфирная, воздушная и земная» (БД II, 18, 2). Здесь его интересует главным образом «воздушное» состояние — т. е. промежуточное положение человеческой души — и, скорее, души умерших людей, чем «остальные воздушные демоны», осуществленность которых он тем не менее признает (БД III, 4, 1). Но души, в сущности, одинаковы во всех трех мирах; разница лишь в том, что эфирные души более очищены, чем другие, и обитают в более разреженной среде. То, что он говорит

¹¹ БД, Аксиома XXVII. Далее цитируем трактат Мора «Бессмертие души» в формате: [БД, книга, глава, пункт / Аксиома]. — *Прим. перев.*

о наружности, занятиях и природе души, в равной степени относится к воздушным и эфирным сущностям; а среди эфирных, — как к тем ангелам, которые были созданы Богом изначально в качестве ангелов, так и к тем чистым душам, которые по своим заслугам завоевали пребывание в эфирных областях. Духи Мильтона, с другой стороны, — это изначально ангелы в чистом виде; однако общая идея о трех состояниях спиритуальной жизни объясняется в таких выражениях, как:

«Но в серебристых тех Полях живут,
Скорей всего, Святые Вознесенные и тот
Вид Духов, что меж Ангелом и Смертным...»¹².

Или:

«...не связана с Землей,
Достигнешь, как и мы, Эфира, или выше
Взлетишь — своим достоинством — на Небо,
Узришь Богов, и станешь с ними жить...»¹³.

Наиболее интересным является длинный пассаж в Книге V, когда Рафаил наставляет Адама:

«Все — от Него, и все к Нему придет,
Коль благо сохранит, все тварное вернется
к свершенству, все первоматерии одной,
Что в формы разных сущностей одето.
Так жизнь живых по степеням различится —
Они тем чище, совершенней и духовней,
Чем ближе расположены к Нему,
И действуют в своих особых Сферах,
Чтобы тела свои наполнить духом,
Что каждому дан свой...
И ваше тело может обратиться в дух.
Со временем очищенный, он, окрыленный,

¹² Paradise Lost, III. 460–462.

¹³ Ibid., V, 78–81. Слова «воздух» и «воздушный» неоплатонического происхождения, ср.: IV, 568, I 430, III 445.

В Эфир взлетит, как мы, иль, как избранник свыше,
В Божественный Небесный Рай войдет»¹⁴.

Мор неоднократно показывает, что воздушный мир является отражением, копией эфирного, и что духи в нем подобны духам в эфирном мире; их различие не видовое, а качественное. Поэтому мы не искадим его видение, сравнивая его мир воздушных существ с эфирным миром Мильтона. Мы можем лучше всего увидеть сходство между этими двумя представлениями о духах, сравнив их по трем пунктам: А. Физические качества; В. Абстрактные качества; С. Место обитания.

А. Уже было сказано, что оба писателя придерживаются идеи телесности духов. Ангелы Мильтона — это не абстракция, не плачущие тени, не призраки Банко или Гамлета, не воображаемые ангелы. Ни Мор, ни Милтон не считали, что тело стесняет дух, — и это важный элемент в этической системе обоих мыслителей. Оба были людьми, для которых «воздержание» в истинном смысле слова было главным принципом жизни, но ни один из них вовсе не был аскетом. Мор всегда заявляет себя «ценителем тела» (*lover of the body*), при условии, что тело будет достойно любви. Он, по его собственным словам «освободил бы воображение людей от расхожего и идиотского заблуждения, в которое они впадают по поводу проявляющихся *Духов*, [полагая, что] они иллюзорны и лишены Субстанции, как лишь тени наших Тел, отбрасываемые на Стену, или наши Образы, отраженные в Реке или Зеркале; и соответственно этому заблуждению, называют духов людей, которые предстают перед ними, *Εἶδωλα* и *Umbrae*, *Образами* и *Тенями*. Такое соображение должно быть весьма прискорбным для тех, кто любит это упитанное округлое Тело, в которое они облечены. ...[Духи] имеют не меньше тела, чем мы сами, только это тело гораздо активнее нашего, будучи более одухотворенным, то есть, будучи наделенным бóльшим диапазоном движения» (БД, III, 2, 9).

Фактическое проявление духов Мильтона слишком хорошо известно и не нуждается в комментариях. Их отличает большая красота; они сияют славой, невидимой на земле; они превосходят человека ростом и силой. Конечно, они идеализированы, но тем не менее они построены по образцу человека. По этому пункту Мору есть что сказать. В пятой главе он обсуждает

¹⁴ P. L., V, 470–479, 497–500.

«естественную» форму духа и приходит к выводу, что, поскольку Бог создал человека по Своему образу и подобию, этот образ должен быть совершенным, и поэтому духи также могут быть наделены тем, что мы называем «человеческой» формой. В нашем мире, — говорит он, — «самая непревзойденная красота, безусловно, есть красота человека в лучших его образцах (вне зависимости от пола) и она намного превосходит остальные создания; это не только наше суждение, но и Того, Кто создал нас» (БД, III, 5, 8). Но есть степени красоты, даже среди обитателей неба, ибо «...*Великолепие и Красота личной формы у Лучшего рода Гениев...* несомненно, в большей или меньшей степени [находится] в зависимости от степени *Добродетели и Нравственных склонностей* в них» (БД III, 8, 4) Так величественные ангелы Мильтона затмевают славой меньших. Несмотря на то, что естественная форма ангелов похожа на форму людей, Мильтон и Мор утверждали, что они могут изменить эту форму и изменяют «властью [своей] воли (by the imperium of the will)». Например, когда они выполняют какое-то поручение Бога, они появляются то в одном облике, то в другом. Более того, низшие духи часто прибегают к формы животных, чтобы достигать своих целей. Мор, как и Мильтон, четко разграничивает духов «благих» от «низших». Злые, хотя их естественной внешностью является также человеческая форма, проявляются, «обезобразив себя уродливыми чертами» (БД III, 8, 1), и переходят от одного вида животного к другому по желанию, выбирая, как полагает Мор, тех животных, которые больше всего сходны с ними в их целях или по природе. «...Разнообразие примесей в их природе может заставлять их предпочесть один *звериный* облик, а не в другой; [эти примеси] — зависть, или восхищение, или в некотором роде сочувствие и симпатия к состоянию и свойствам тех или иных *Животных*» (БД III, 8, 2). Эту же идею можно увидеть в оборотах речи, посредством которых Мильтон постепенно проводит мысль о вырождение Сатаны. Сатану он сначала сравнивает с Левиафаном, с могучей башней, затем с солнцем в затмении, с кораблем, разбитым непогодой. Но когда тот спускается в Эдем, он — хищник: он перелезает через стену сада, как волк; он сидит, как хищная птица на Древе Жизни; он принимает форму сначала одного животного, затем другого, когда наблюдает за Адамом и Евой; ангелы обнаруживают, что он «как мерзкая тварь прильнул» к уху Евы; он вспыхивает, как порох от упавшей искры, затем «как ретивый конь, слушаясь вожжи, несется вперед»; в конце концов, он, разумеется, становится змеем. Некоторые из этих

образов — фигуры речи, но достаточное количество указывают на то, что идея Мильтона близка идее Мора. Мор также комментирует тот факт, который Милтон использует без комментариев: «Никакая принудительная вещь не может длиться долго», — говорит он, и поэтому злой дух не может долго сохранять позаимствованную форму. Более того, Мор заявляет, что независимо от того, насколько демон может быть замаскирован, он «по команде будет вынужден появиться в своем естественном и обычном виде, не осмеливаясь отрицать, в случае проверки, своей принадлежности к конкретному Подразделению» (БД III, 10, 5). Это утверждение, возможно, побудило в сознании Мильтона великолепную сцену, в которой Сатана, пребывающий в облике жабы, когда его внезапно застают Итуриэль и Зефон, является в своем собственном виде и презрительно отвечает на вопросы ангелов¹⁵.

Мор и Милтон обсуждают вопрос пола ангелов. Милтон говорит:

«...Одни мужского пола,
Иные женского. Ведь Духи по желанью
Избрать любой род могут или оба...» (I, 422–424),

идея, которую он высказывает и в некоторых других местах. «По всей вероятности», — говорит Мор (БД III, 2, 5), — «Душа сама по себе в той же мере одного пола, как и другого». И поскольку, согласно аксиоме Мора, душа обладает способностью изменять как форму, так и характер ее «воздушно-го носителя», духи могут переходить от одного пола к другому по желанию, хотя и Мор, и Милтон утверждали, что чистый дух является сочетанием двух полов.

Когда мы пытаемся определить способ передвижения этих небесных существ, мы находим представление Мора расплывчатым, Мильтона — определенным. Ангелы Мильтона — явно крылатые существа, и их обычный способ передвижения — это либо полет, либо ходьба. Но они могут использовать другие средства передвижения. Так Сатана в своем путешествии через Хаос:

«Рукой, крылом, ногой стремил свой путь —
Он плыл, нырял, шел вброд, полз и летел» (II, 949–950).

¹⁵ Примеры изменения формы в «Потерянном рае», см.: I, 423, 777, 789; III, 634; IV, 396, 799, 835; V, 276; X, 574; XI, 238.

Иногда ангелы Мильтона ходят по земле, иногда все их множество может следовать по воздуху над землей¹⁶. Естественное движение ангелов Мильтона явно восходящее. Мильтон говорит о них как о «само-возвышающихся» (self-raised) (I, 634). Молох настаивает, чтобы «в своем собственном движении мы возносились до родного места» (II, 75). Сатана «со свежим рвением и возобновленной силой устремляется вверх» (II, 1012). Мор менее конкретен. В его представлении ангелы могут двигаться в любом направлении, в каком хотят, через любую сферу; им, по его словам, не возбраняется спускаться на землю, как полагали некоторые писатели, от из-за «плотного воздуха» и холода (БД III, 3, 4)¹⁷. Они возносятся или нисходят по своему желанию. «Их индивидуальное движение, — говорит он, — не производится ни плавниками, ни крыльями, как у рыб или птиц, ...но оно совершается за счет того, что ход движения частиц их носителя направлен к тому месту, к которому они стремятся; и притом с такой быстротой или неторопливостью, которые устраивают их более всего, и которые совместимы с их природой» (БД III, 5, 4), — идея, которая вытекает из определения Мором души как «самодвижущейся субстанции».

Вторым общим аспектом физической природы духов, который мы должны рассмотреть, является их способность к чувственному восприятию. Даже небрежный читатель Мильтона будет впечатлен чувственностью его небес, радостью, которую его духи получают от удовольствий тела — особенно поразительно, конечно, это для тех, кто думает о Мильтоне как о пуританине. Секрет этого сходства между двумя авторами, как, несомненно, и многих других совпадений заключается в том, что и Мор, и Мильтон были сыновьями Ренессанса; в сочинениях обоих присутствует смешение язычества и христианства. Вряд ли стоит подробно напоминать олимпийские характеристики небес Мильтона; пиршества и пение играют большую роль в духовном мире Мильтона и Мора. Мильтон в очень известном отрывке из пятой книги «Потерянного Рая» описывает праздник в Эдеме, к которому Адам с простым чувством собственного достоинства приглашает своего ангела-гостя, хотя в то же время он задается вопросом, будет ли Рафаил есть их человеческую пищу, «возможно, малопривлекательную пищу (unsavory food) для

¹⁶ См.: II, 950, 1012, 1041; VI, 71; X, 90.

¹⁷ Мор излагает мнение Кардано по этому поводу.

духовной природы» (V, 402). Рафаил отвечает ему, что «интеллектуальные субстанции» требуют пищи, и, как и «рациональные субстанции», они содержат

«В себе и низшие способности и чувства,
Когда вкушают, слышат, трогают иль зрят,
Усваивают и преобразуют так,
Что плотское к бесплотному приводят».

Аксиома Мора о том, что душа способна чувствовать удовольствие и боль, уже цитировалась. В четвертой главе своего трактата он подробно доказывает, что души обладают всеми телесными чувствами, которыми обладает и человек, хотя эти чувства усовершенствованы до более изысканного восприятия. Так, например, они могут видеть нас, хотя мы не можем видеть их, и они могут слышать наши голоса и нашу музыку, хотя их небесные гармонии не слышны нашему грубому слуху. «И если говорить откровенно, — заключает Мор, — будет очень трудно опровергнуть, что они не обладают чем-то аналогичным *Обонянию* и *Вкусу*» (БД III, 4, 6). «Так что нектар и амброзия поэтов, — говорит он далее, — могут оказаться не вымыслом чистой воды. Ибо *Дух Природы*, который является непосредственным инструментом Бога, может обогатить плоды этих *Воздушных Парадизов* такими веществами, которые, будучи приняты внутрь тел этих более чистых *Демонов* и рассеявшись по их Носителям, могут вызвать столь благодатные движения, аналогичные нашему [ощущению] вкуса, и возбудить такую более чем обыкновенную остроту [восприятия] в их умах и доброжелательную жизнерадостность, они [эти плоды] могут далеко превосходить самые изысканные закуски, какие только могли найти величайшие эпикурейцы на Земле; и что без всякого пресыщения и тяжести оно наполняет их только Божественной Любовью, Радостью и Преданностью» (БД III, 9, 8).

То, что Мильтон представлял своих духов не только обладающими обонянием, но и получающими от этого ощущения удовольствие, — очевидно: «...наполнил Небо аромат / Амброзии...»; (III, 135–36); «...источал его алтарь / Амброзии благоуханье...» (II, 244–245); «приятный воздух... наполнен Благоуханьем...» (II, 842–43).

«...Все дышащие твари,
С Земного алтаря безмолвно шлют хвалу
Создателю, его ноздрям угоден
Тот запах благодарный... » (IX, 194–197).

Ангелы Мильтона обладали ясным зрением: Итуриил является «самым зорким Духом на небесах», а в третьей книге Мильтон упоминает о великих далях, которые мог видеть Сатана. Но Мильтон отрицал, как и Мор, одно из общих утверждений многих писателей о духах, а именно что они «видят всеми частями» своих тел. В главе IV Мор обсуждает это обстоятельство, утверждая, что способность зрения у духов организована, как и в земном теле. Тем не менее, он оставляет возможность верить, что духи могут видеть «вокруг, рядом, позади, впереди, вверху, внизу»; они, конечно, видят более ясно, чем смертные, и на большее расстояние, за исключением того, что Мор будет различать в этом отношении обитателей воздушных и эфирных миров.

Духи Мильтона и Мора способны спать. Сон, в котором мы впервые видим падших ангелов Мильтона, может показаться скорее бессознательным состоянием, хотя они и поднимаются под звуки голоса Сатаны. Но сам Сатана спрашивает в той же сцене, предлагают ли они «...вздремнуть, как будто вы в Небесных кущах?» (I, 321); когда Рафаил описывает Адаму небесные области, он изображает ангелов там, «...где они спали, / Овеяны прохладным ветром...» (V, 654). В целом и Мильтон, и Мор полагают, что духи в высокой степени наслаждаются всеми телесными удовольствиями, на которые способен человек. Отрывок из «Потерянного Рая», в котором Рафаил отвечает на вопрос Адама о любви, существующей между небесными духами (VIII, 620 и др.), можно сравнить со словами Мора: «Они поют, играют и танцуют вместе, получая законные удовольствия [той] самой *Животной жизни* в гораздо большей степени, чем мы способны в этом Мире. Ибо всякая вещь здесь имеет, так сказать, привкус бочки с ее грубостью и скверной. Сладостные движения духов в страсти любви вряд ли могут исходить из почти граничащего с постыдным чувством похоти; материя земного тела почти вынуждает их к этому отклонению. Но в этом другом состоянии, где Фантазия согласуется с первым Образцом Красоты, *Интеллектуальной Любви* и *Добродетели*, и Тело полностью подчинено воображению Разума и поддается каждый раз с Педантичностью импринтингу этой внутренней модели, ничто там не может оказаться неуместным, каждое касание и вибрация движения и Красота передаются из такой разумной силы через столь тонкого и очищающего Посредника. Поэтому они не могут не очаровывать Души друг друга, будучи взаимными Зрителями совершенной красоты другой личности и прекрасных манер, их изящных танцев, их мелодичного пения и игры...» (БД III, 9, 4).

Один важный момент, на котором Мор и Мильтон акцентируют внимание в этой связи: для людей физическая жизнь — это необходимость; у ангельского воинства она стала одухотворенным удовольствием. Мор говорит о различных видах ангелов: «Потому нет ничего невероятного в том, чтобы и те, и другие имели свое время для Восстановления [сил], по крайней мере, для удовольствия, если не по необходимости» (БД III, 9, 6).

Рафаил заявляет:

«У нас есть вечер, как и утро, *хоть нужды*
В сей смене радостной мы не имеем».

Как духи способны испытывать удовольствие, так они способны испытывать и боль. «Тогда Сатана впервые познал боль, — пишет Мильтон о битве на небесах, — и падшие ангелы все еще содрогаются, вспоминая боль, когда они выступают на Совете Демонов; Бог стал для них «Мучителем»; некоторые из них сомневаются, стоит ли им существовать, если их уделом будет боль. Мор утверждает, что проступки среди воздушных гениев наказываются, и часть этого наказания заключается в физической боли. «Мы можем быть уверены, — пишет он, — что их наказывают невыносимыми мучениями» (БД III, 10, 4). Наказания, которые предполагает Мор, во многом такие же, как и те, от которых страдают падшие ангелы Мильтона. Мор рисует мрачную картину подземных пещер, вулканических гор, трещин в земле, из которых исходят пламя и шумовые газы. По его словам, наказания в целом изобразил Корнелий Агриппа¹⁸. Однако даже хуже, чем боль, будет для них ограничение свободы, ибо, поскольку телесное чувство духов быстрее, чем наше, они, следовательно, «более подвержены высшей степени мучений». Напомним слова Мильтона о злых духах в его «Трактате о христианской доктрине»: «Их знание велико, но они таковы, что скорее усугубляют, чем уменьшают их страдания»¹⁹.

Однако, хотя духи могут быть наказаны и могут страдать от боли, они, в сущности, неуничтожимы. Мильтон, правда, по-видимому, утверждал, что душа временно умирает вместе с телом, чтобы воскреснуть снова, — идея, против которой решительно протестует Мор во всех своих работах,

¹⁸ De Occulta Philosophia, lib. 3, cap. 41.

¹⁹ Prose Works of John Milton. London, Henry G. Bohn, 1853, IV. P. 219.

утверждая, что душа не умирает и не спит, а переходит незаметными степенями из одного государства в другое (БД, Аксиома ХХІХ). Некоторые способности, говорит он, могут засыпать смерти, чтобы «другие проснулись, [те способности], которые больше подходят для этого состояния» (БД, Аxiом ХХХV). Но в заключении он приходит к выводу: «Хотя Душа должна была бы убить себя тысячу и тысячу раз; но она могла бы только испытать боль и наказать себя, [но] не уничтожить себя» (БД III, 11, 5). Так Вельзевул отвечает Сатане:

«Разгром ужасный вниз всех нас низверг,
Погибли мы, насколько могут гибнуть
Небесные созданыя, но остался дух
Несокрушенным, сила вновь вернется,
Хоть слава и погасла... » (I, 137–141).

И Сатана:

«...Нам, сущностям, живущим в Эмпирее,
Ранения смертельные не будут
Нанесены... » (VI, 433–435).

Согласно и Мору, и Мильтону, духовный носитель может быть временно поврежден внешними силами, но существенная субстанция немедленно закрывается и снова становится целой:

«...боль Сатана познал впервые,
И в корчах изгибаться стал, насквозь
Рассек его разящий меч, но вмиг
Эфирная субстанция сомкнулась,
Закрыв рубец...» (VI, 327–331).

Мор обсуждает развеивание духов на ветру в отрывке, который, возможно, напоминает эпизод с Паоло и Франческой у его любимого поэта; кроме того, у него есть и упоминание о том, как град бьет души, и рассказывая об этом, он использует слова, которые напоминают об одном из наказаний Сатаны:

«...Град из серы
Нас после поразил, волна огня накрыла
И сбросила с Небесного уступа
Нас вниз...» (I, 170–173).

Но влияние этих внешних воздействий, заключает Мор, подобно Мильтону, не может быть постоянным. «Ибо они проходят [сквозь духов]», — говорит Мор, — «как и через другие части воздуха, которые сразу же закрываются и не оставляют за собой ни ран, ни рубцов» (БД III, 3,2).

В. Ментальные и духовные характеристики этих существ по большей части мыслятся как физические. Как Мор, так и Мильтон изображают духов, наслаждающихся не только духовным, но и интеллектуальным существованием. Белиал спрашивает²⁰:

«...Кто б пожелал утратить,
Чтоб боль унять, свою способность мыслить,
Сознание, что мчит сквозь вечность ввысь,
И, сокрушенным, падшим в лоно тьмы
Несотворенной Ночи, пребывать без чувств,
Бездвижным?...» (II, 146–151).

Помимо указания на интеллектуальную природу индивидуального духа, Мильтон в известном отрывке обсуждает интеллектуальный дискурс, который является одним из удовольствий небес и не потерян в аду. Об этом мы еще услышим. На данный момент достаточно предложить такую параллель у Мора: «...они могут заниматься *Интеллектуальными* Созерцаниями, будь то Естественными, Математическими или Метафизическими. Ибо, несомненно, *Знание* не так легко и доступно в этом состоянии Разделения, но [несомненно и то,] что они могут продвигаться и совершенствоваться с помощью упражнений и Медитаций» (БД III, 4, 9). Снова мы встречаем у Мора и Мильтона Ренессансную любовь к философии.

Как эти обитатели в мире духов обладают интеллектуальными способностями человека, но только в большей степени, так обладают они и его эмоциональными способностями. Это не средневековые ангелы, склоняющиеся над парашютом неба спокойно и вечно, исследуя страдания проклятых. Добрые ангелы, безусловно, демонстрируют высокое презрение к падшим, но есть что-то очень человеческое в том, что так много ангелов не смогли противостоять искушению. Мор к тому же, по-видимому, предполагает, что духи, склонные, скорее, к злу, чем к добру, далеко не редкость в воздушном мире.

²⁰ Важно то, что чувство и движение — фундаментальные характеристики духа, согласно Мору.

Сам Шекспир не показывает более смешанного переплетения добра и зла во вселенной, чем Мор и Мильтон.

Конечно, именно падшие ангелы Мильтона наиболее ясно указывают на смешение склонностей. Сатана произносит монолог, глядя на Рай, и, как говорит Мильтон (IV, 114):

«...Те страсти исказили его лик,
Лицо бледнело трижды: зависть, гнев, унынье.
Был искажен заимствованный образ,
Раскрыв лжеца в нем...» (IV, 114–117).

Мор предполагает, что ангельская экспрессия является свидетельством внутренней природы. Наиболее добродетельные будут самыми красивыми, а степень красоты будет большей или меньшей в зависимости от степени добродетели. Вспоминается постепенная физическая деградация Сатаны в результате его духовного вырождения, а также его смешение презрения и сожаления, когда его бывшие соратники не узнают его. Мор полагает, что «тайные собрания» худших духов «являются лишь извращенным отголоском дружеских встреч высших гениев. Человеческая и ангельская красота преобразуется там в животное уродство» (БД III, 9, 5). Тем не менее есть случаи, — по крайней мере, у Мильтона — когда выражение эмоций со стороны падших ангелов указывает на лучшую, а не на худшую природу, например, когда

«Он трижды возгласал, и трижды сквозь презренья
Слезу, подобно ангельской, пускал» (I, 620–621).

Даже самый злой персонаж Мильтона не становится злым сразу, и он также не лишен признаков раскаяния (14)²¹:

«Отчаянье сознание пробудило,
Дремавшее, и память горькую — кем был,
Кем ныне стал, кем стать ему придется» (IV, 23–25).

²¹ Ср. также: V, 38 слл.; IX, 118 слл. Мор говорит: «Предположим, она (душа) могла бы продержаться там так долго, чтобы вынести эту ужасную боль разрушения *жизненной Конгруэнции* своего Носителя этим серным огнем; но [все равно] лишь только высвободившись, она бы снова уловила жизнь в Воздухе и возвратились бы все прежние горести и муки, сверх и помимо тех смертных мучений. Потому что Память возвращается, и возвращается Нечистая Совесть и все те неутомимые Фурии, те беспорядочные Страсти, которые следуют за этим» (БД III, 11, 5).

Или, еще:

«...Стоял смущенно Дьявол,
Он понял, как Добро его страшит,
Лик добродетели узрел и осознал
Свою потерю...» (IV, 846–849).

Однако эмоции проявляют не только падшие ангелы. Ангельские стражи спускаются с небес в Эдем «безмолвны и печальны как люди»; «смутная печаль не пощадила» небесные лики. Мор также показывает, что, хотя духи и являются небесными существами, они не теряют интереса к человеку и страдают за него и вместе с ним: «Так что Души, покинувшие человеческие тела, хотя они и отказались вместе с Телом от осуществления функций, собственных человеческой жизни, но могут поддерживать их и помогать им, преследуя посредством них какую-то свою цель...» (БД III, 4, 7).

Мнения Мильтона и Мора относительно самой дьявольской из всех способностей совпадают. Отличительной чертой Сатаны является его «стойкий ум», «ум, который неизменен ни в зависимости от места, ни от времени». Он полагает своей конечной целью продолжение зла ради зла:

«Творить Добро мы никогда не будем,
Лишь зло творя, мы радость познаем,
Поскольку вопреки Всевышней воле,
Мы поступаем... » (I, 159–162).

«Но творить зло только ради зла, — говорит Мор, — это настолько чрезмерное Бесчинство, что некоторые сомневаются, совместимо ли оно с каким-либо *Интеллектуальным Существом*» (БД III, 3, 7).

Интеллектуально и эмоционально духи Мора и Мильтона проявляют человеческую природу в более высокой степени. Как души людей на земле иногда добры, иногда злы, а иногда являют собой смешение качеств, так же обстоит дело и с воздушными душами в мире духов Мора. Он не согласен с теми, кто говорит, что душа человека уходит из этой жизни непосредственно, чтобы предстать перед судьей и создателем — это процесс перехода от земного к воздушному носителю. Он не согласен в этой доктрине с Плотинем, который утверждал, что душа не может иметь жизненного союза ни с чем, кроме Бога. «*Natura non facit saltum*»²², — любит говорить Мор.

²² «Природа не делает скачков». — *Прим. перев.*

И действительно, это было бы «очень большим скачком в Природе», если бы душа человека «от состояния, когда она столь глубоко погрязла в материи, что водит компанию с животными, внезапно изменилась бы до такой степени, что поднялась бы в ἀϊόλης (бессмертие) не подходящее, вероятно, никому, кроме Бога» (БД III, 1, 5). Таким образом, в воздушных областях Мора можно найти как чистые и добрые души, которые явно пребывают в разных степенях очищения, так и злые души, которые постоянно поддаются искушению: «...каковы их природные Наклонности и Привычки в этой жизни, нечто подобное они [души] в некотором роде осуществляют и в другой..., и далее следует то, что Души нечестивых [людей] занимаются тем, что помогают и подстрекают к осуществлению таких Пороков, которым они сами наиболее предавались в этой жизни, и воодушевляют и искушают людей к ним. Отсюда следует, что, будучи Демонами в состоянии, отделенном от тела, как уже было сказано, они мало чем отличаются от простых Дьяволов, если они также подбивают к злу» (БД III, 4, 8). Мильтон также ясно дает понять, что духи имеют моральный выбор и, следовательно, несут моральную ответственность. Аллегория Греха и Смерти подразумевает, что Грех пришел из разума сатаны, а не от Бога. Бог говорит о человеке:

«...Благим и Праведным я создал
Его, способным устоять, но также пасть,
Как всем Эфирным Духам и Властям
Дана свобода — верность сохранить,
Но и отпасть дана свобода та же» (III, 98–102).

Одна из самых интересных этических проблем, которую обсуждает Мильтон — его главная повторяющаяся идея — предложена здесь. Это возможность «изменения сущности» в духовной природе. Точно так же, как Мор подразумевает, что те духи, которые скорее злы, чем добры, могут постоянно путем выбора спускаться до состояния дьявола, так и Мильтон говорит снова и снова об изменениях, которые происходят в сущностной природе Сатаны в промежутке между тем как он, будучи архангелом, находился ближе всего к Богу, и тем, как он, став змеем, оказался распростертым на земле.

Как и сами духи, мир, в котором они живут, чувственен. Здесь есть «мягкие, ароматные ветра»; «свежие росы» для отдыха ангельских существ; алтарь Бога «дышащий амброзиальными испарениями»; «бесчисленные покои», открытые для удовольствия духов:

«На ложе из цветов, увенчаны цветами,
Они вкушали вместе яства и питье,
В бессмертья радостном...» (V, 635).

Есть рощи и ручьи в «Потерянном Рае», как и на небесах «Ликида» Там растет бессмертный амарант, и Река Блаженства несет свой янтарный поток по Элизиуму. «Солнечный путь» улыбается, «пропитанный запахами небесных роз». Хотя Мор не вдаётся в столь подробное описание, как Мильтон, его концепция обитания воздушных гениев во многом та же. «Ибо в тех безмятежных верхних Областях, — говорит Мор, — этот *Promus-Condus Вселенной, Дух Природы*, может тайно устраивать целые Сады и Фруктовые деревья с самыми восхитительными плодами и цветами...» (БД III, 9, 8).

Рай Мильтона созвучен музыке небесного воинства. Он упоминает два рода песнопений²³: есть гармония, которая постоянно воспеваёт славу Бога. Рафаэль говорит, что ангелы спят

«Овеяны прохладным ветром, кроме тех,
Кто гимны воспевал у трона Бога
В течение ночи долгой... » (V, 654–656).

Адам тоже говорит Еве, что пока они спят, «миллионы духовных существ ходят по земле невидимыми», воспевая своего великого Создателя. А, кроме того, у Мильтона есть сцены великой радости, в которых ликование ангелов выражается в восторженной песне:

«Как только Всемогущий замолчал,
Все ангельское воинство вскричало,
Хор многогласый сладких голосов
Наполнил Небо радостным приветом,
И громко и восторженно «осанна»
Звучала в Вечности пределах...» (III, 344–349).

И Мор также говорит о восторженном и экстатическом почитании: «*Священные Гимны и Песни*, которые поются голосами, идеально воспроизводящими сладчайшие и нежнейшие оттенки того, что чувствуют их благочестивые умы, должны совершенно растопить их души к Божественной Любви.

²³ См. ниже: воспевание славы, это первый вид, ликование ангелов — второй. — *Прим. перев.*

Но поскольку эти занятия чрезвычайно восторженны и экстатичны и выводят их [души] за обычные пределы их Природы, то разумно полагать, что к ним прибегают не слишком часто, а как к своего рода торжественным пиршествам, после которого они будут получать удовольствие еще в течение долгого времени» (БД III, 9, 3).

Мысль о том, чем заняты небесные духи, очаровывала как Мильтона, так и Мора, который посвятил ей более одной главы. Оба они считают, что духи являются посланниками Бога, и это представление имеет много аналогий с учением Плотина об эманациях. Это — духи разного ранга, находящиеся в пространстве между Богом и человеком, в разной степени наделенные божественной природой. Воздушные гении Мора, сами бывшие когда-то людьми, естественным образом более тесно связаны с жизнью человека, чем ангелы Мильтона; однако ангелы на небесах Мильтона проявляют реальный интерес к земле и ее созданиям; Адам в своих разговорах с Евой предполагает, как и Мор, что, хотя мы своими весьма грубыми чувствами не можем их воспринять, духи всегда вокруг нас: одни выполняя поручения Бога, другие, охраняя его детей²⁴. Мор четко указывает на это: «Они видят то же самое Солнце и Луну, что и мы, наблюдают за отелными личностями и разговорами всех людей, и, если особый Закон не запрещает им, могут переходить по городам и весям... Нет ничего такого, чем наслаждаемся мы, от чего бы не перепадала им какая-то доля, если пожелают: цветущие Поля, обширные и нескончаемые Леса, приятные Сады, высокие и целительные Горы, где встречаешь чистейшие порывы Воздуха, Кристальные Реки, тенистые Источники, торжественность Развлечений, Театральные шествия и Шоу, публичные и частные Дискурсы, Религиозные упражнения, будь они в Храмах, Семьях или тайных Скитах» (БД III, 4, 7).

Сама интересная часть рассуждения Мора о том, как проводят время души после смерти, — это раздел, посвященный их интеллектуальным занятиям. Их самыми счастливыми часами, говорит он, являются те, которые они проводят в общении друг с другом, «не только в рациональных дискурсах, которые так благоприятны для Философской Простоты (*Ingenu*), но в невинных *Времяпрепровождениях*, в которых также может быть возобновлена *Музыкальная* и *Эротическая* склонность. Ибо эти три настроения являются

²⁴ См.: *Milton J. Treatise on Christian Doctrine*. P. 215, 216.

основанием для всех остальных...» (БД III, 9, 4). Таким образом, когда они собираются вместе, они наслаждаются «общительностью и собственным благодушием». Мор, должно быть, вполне оценил рассказ Рафаила о небесных столах, где разлит «рубиновый нектар» и где ангелы торжествуют в «причастии сладком». Однако одних только чувственных удовольствий было бы недостаточно, поскольку, хотя и Мор, и Мильтон опередили свое поколение в признании страстей человека как сущностного блага, ни тот, ни другой не считали, что только физическая жизнь является достаточной для человека или ангела. Духи Мора «могут делиться друг с другом во взаимном общении важной информацией относительно природы вещей» (БД III, 9, 2). И это не только беседы на темы, которые так интересовали падших ангелов Мильтона, Мор предлагает для этого общения другой специфический сюжет, который может занимать их умы — как он занимал ум Адама: «Кроме того, между ними могут быть великие споры о том, верна ли Гипотеза *Пифагора* или *Птолемея* относительно Движения Земли; и являются ли Звезды настолько большими, как некоторые их определяют» (БД III, 9, 4). «Но из всех удовольствий, — завершает Мор это рассуждение, — нет таких, которые были бы сравнимы с теми, что проистекают из их совместных религиозных действий и благочестия. Ибо поскольку их тела так значительно превосходят наши непорочностью и чистотой, они должны быть более подходящей почвой, на которой бы могли произрасти самые благочестивые мысли, и самая нежная и восхитительная привязанность к своему Создателю. А они, усиливаясь благодаря *священным Гимнам* и *Песням*, которые поются голосами, идеально воспроизводящими сладчайшие и нежнейшие оттенки того, что чувствуют их благочестивые умы, должны совершенно растопить их души к Божественной Любви» (БД III, 9, 3).

Несколько незначительных замечаний Мор высказывает о занятиях «худших духов». Мы уже видели, что те, кто это заслужил, пребывают в наказании, которое является либо временным, либо — вечным. Более интересное предположение, если иметь в виду Мильтона, — это то, что духи, которые вольны творить свои темные замыслы, также поддерживают «общительность», хотя и очень отличающуюся от общительности высших гениев. Они могут, действительно, рассуждать и дискутировать (и, вероятно, «не находя выхода из бессмысленных затерянных лабиринтов»), но их сообщество в целом является искаженным подражанием сообществу высших духов. Мор, как и Мильтон, предполагает, что торжества этих духов являются грубоватыми

подражаниями тем, какие приняты среди ангелов. «Музыка и Танцы этих низших и глубоко деградировавших Демонов являются деформированной имитацией того, что высшие и более чистые Демоны совершают в своих Облациях [обитания]» (БД III, 9, 6)²⁵.

Глава X трактата Мора отведена «устройству мира воздушных демонов». Поскольку этот мир является промежуточным, Мор не обеспокоен, как Мильтон, вопросом об управлении небесами. «Невидимое управление, — пишет он, — не ограничено пределами пространства Воздушных Облаций, но распространяется также и на Обитателей Земли» (БД III, 10, 3). Воздушные существа стоят над земными, иногда руководят ими, иногда действуют с ними. Мор повторяет: «Они могут быть также (и, возможно, не безразличными) Наблюдателями славных и безобразных опасностей войны, будь то Морские бои или Сухопутные сражения; кроме этого [наблюдателями] нежных и тихих, хотя иногда и не менее опасных, Битв на полях Купидона; и еще тысячи обстоятельств, перечислять которые было бы слишком долго. Во всем этом они, возможно, не просто Зрители, а Подстрекатели людей, как пишет Плутарх: как старики, оставившие в прошлом Борьбу, Упражнения Гимнастов (Pitching the Vane) или драки на Палках тем не менее будут сопровождать молодых людей и помогать им в Участии в этих Упражнениях» (БД III, 4, 7). Эфирные силы соотносятся с воздушными так же, как воздушные с земными, хотя все духи, как показывает Мор, видят друг друга и встречаются в разных степенях коммуникации. Каждый из этих миров в некотором смысле является копией другого, — неоплатоническая идея, которую имеет в виду Мильтон, когда говорит:

«...Вершины, что постичь
Ум человека может, так определю:
Духовное сравнимо и с телесным,
Что, если ваша самая Земля —
Лишь Неба тень, и сходство между ними
Побольше, чем считают на земле?» (V, 571–576)

²⁵ В этой же главе Мор предлагает идею, в некоторой степени аналогичную концепции Мильтона, о том, что падшие ангелы способны взять силой от Природы, даже в Аду, все, что им необходимо для материального комфорта. Он исследует, «является ли привилегией этих воздушных существ острое желание и энергичный замысел проникнуть в Дух Природы, чтобы пробудить ее деятельность, и вовлечь ее тем самым в осуществление, как бы, полного замысла их собственных желаний» (БД III, 9, 7).

Реальное управление в мире духовном Мора находится, скорее, в руках эфирных, а не воздушных гениев, и в основных чертах составляет параллель с тем, как устроено управление небесным миром у Мильтона. Есть различные категории духов: все причастны Богу, все имеют доступ к нему. Небесное воинство в обоих случаях похоже на армию с ранжированными рядами, с наличием всех чинов и порядком выполнения приказов. Так как Мор был роялистом, монархия в небесах не доставляет ему проблем, и его никогда не беспокоят сомнения, которые иногда преследуют Мильтона. Хотя юношей в Итоне Мор восстал против «сурового доктринального предопределения» кальвинизма, однако его вселенная столь же упорядочена и спланирована в разуме Бога, как и вселенная Мильтона. Оба они настаивают на абсолютной справедливости наказания. Мор говорит, что если какой-либо дух или смертный нарушил «Законы, без соблюдения которых Творение не могло бы существовать» (БД III, 10, 4), мы можем быть уверены, что он будет наказан, и что «мучения будут невыносимы». Бесконечный план Бога не может поколебать ни одна индивидуальная воля, будь то воля смертная или духовная, хотя смертная, как и духовная воля свободны в своем выборе.

Таким образом, в своих существенных аспектах духовные миры Мора и Мильтона идентичны; они имеют одинаковое представление о физических, интеллектуальных и духовных характеристиках ангелов, общем виде и управлении небес и занятиях ангелов. Эти идеи, конечно, не были совершенно оригинальны ни для Мора, ни для Мильтона. И нет ничего странного в том, что эти два человека придерживались схожих представлений. Их академическая подготовка в Кембридже привела их к контакту со многими «ортодоксальными» писателями в области демонологии; им обоим, естественно, была хорошо и основательно знакома каждая строка Библии; они знали схоластов и Отцов церкви; в университетских спорах они обсуждали и знакомились с обсуждениями различных аспектов этой темы; многие наставники и преподаватели Колледжа Христа были в свое время заняты этим вопросом — как, например, Джозеф Меде, который, вероятно, был «старым Даметом»²⁶ Мильтона, и почти наверняка «Мнемоном» Мора в «Психозое»²⁷.

²⁶ Пастух из третьей эклоги «Буколик» Вергилия. — *Прим. перев.*

²⁷ М. Николсон: я рассмотрела этот вопрос в статье, которая будет опубликована в «Modern Language Notes» (журнал университета Джона Хопкинса, выходящий с 1886 г. — *Прим. перев.*).

Как Мор, так и Мильтон были хорошо знакомы с каббалистической и неоплатонической традицией; оба они, хотя и при различном отношении к этому автору, читали Якоба Беме²⁸; оба были знакомы с «Анатомией меланхолии» Роберта Бертона²⁹; и то небо, которое каждый из них представлял для себя, было великолепной комбинацией греческой мифологии, библейских и средневековых преданий, неоплатонической и каббалистической традиции. Однако было бы очень странно, если бы Мильтон в то время, когда его интерес к этой теме был наибольшим, не прочел книгу, которая на протяжении многих лет была стандартной «демонологией», — книгу, написанную известным представителем Колледжа Христа, которого многие считали ведущим эрудитом и философом своего времени.

²⁸ Трактат Г. Мора «Philosophiae Teutonicae Censura» (1670) содержал критику Якоба Беме, опубликован в «Opera Omnia» 1675–1679гг. Об этом: // Jacob A. Biographical Introduction // *More H. The Immortality of the Soul* // International Archives of the History of Ideas, № 122 / Ed. by A. Jacob. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. P. IX; *Douglas Hedley. Censuring the Teutonic Philosopher? Henry More's Ambivalent Appraisal of Jacob Böhme* // *Aries — Journal for the Study of Western Esotericism* 18 (2018) 54–74; *Workshops on the Latin Works of Henry More II. Concepts of God and Man in Henry More's Critique of Jacob Boehme* 30.11-01.12.2018 <https://www.platonism.divinity.cam.ac.uk/news/latin-works-presentation> — *Прим. перев.*

²⁹ *Burton R. The anatomy of melancholy*. Philadelphia: E. Claxton & company, 1883. Первое изд. в 1621 г. — *Прим. перев.*